

03
M-82

Шоква

10
2009

3m

ГАЛИНА МАТВИЕВСКАЯ

«УМНОЕ И ДЕЛЬНОЕ СОЧУВСТВИЕ...»

А.Н. ДЬЯКОНОВ —
ОРЕНБУРГСКИЙ ДРУГ
И ЕДИНОМЫШЛЕННИК В.И. ДАЛЯ

Галина Павловна Матвиевская родилась в Днепрпетровске. Окончила математико-механический факультет Ленинградского государственного университета и аспирантуру в Институте истории естествознания и техники АН СССР.

Доктор физико-математических наук, академик АН Узбекистана, действительный член Международной академии истории науки. С 1994 года — профессор Оренбургского государственного педагогического университета.

Краевед. Лауреат премии «Оренбургская лира», Всероссийской литературной премии «Капитанская дочка», Шолоховской премии «Они сражаются за Родину».

Член Союза писателей России.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Владимир Иванович Даль (1801–1872), по выражению С.Т. Аксакова, своим «Толковым словарем живого великорусского языка» воздвиг себе вековечный памятник. Это замечательное произведение не только не устарело, но остается востребованным и в наши дни, о чем свидетельствует появление многочисленных изданий словаря.

Как нельзя более своевременно звучат сейчас призывы его автора сохранять чистоту русской речи и бороться против засорения ее чужестранными словами. Даль считал, что недопустимо пользоваться «таким языком, какой мы себе сочинили, распахнув ворота настежь на запад, надев фрак и заговорив на все лады, кроме своего». Он отказывался «признать этот нестройный лепет с отголоском чужбины за русскую речь» и писал: «Живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, ясность целостности и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи».

Напоминая, что Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин, И.А. Крылов и другие даровитые писатели старались изъясняться чистым русским языком, «избегая чужеречия», он особо выделял А.С. Пушкина. «А как Пушкин ценил народную речь нашу, — восклицал Даль, — с каким жаром и усладою он к ней прислушивался, как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрений и острых замечаний и сравнений, — я не раз бывал свидетелем!»

Справедливо считая создание «Толкового словаря живого великорусского языка» жизненным подвигом В.И. Даля, не мешает вспомнить, что мысль о словаре созрела у его автора во время службы в Оренбурге в 1833–1841 годах, а первым, у кого этот замысел нашел понимание и

поддержку, был преподаватель Неплюевского военного училища А.Н. Дьяконов. О его «умном и дельном сочувствии к своему труду» В.И. Даль вспоминал много лет спустя в «Напутном слове» уже завершеному словарю 21 апреля 1862 года в Москве, на заседании Общества любителей русской словесности¹.

Александр Никифорович Дьяконов родился в 1797 году в купеческой семье и, по-видимому, получил хорошее образование. Из его формулярного списка, находящегося среди документов Государственного архива Оренбургской области², следует, что в 1820 году он поступил на службу в Илецкое соляное правление в должности канцеляриста. Все возложенные на него обязанности «исправлял с особым усердием», «по способностям к горной части» был произведен в унтер-шихтмейстеры 1-го класса, но в 1823 году «за слабостью здоровья» от службы уволился.

Дальнейшая деятельность А.Н. Дьяконова связана с преподаванием. В формулярном списке говорится, что в 1828 году он обратился в Московскую губернскую гимназию с просьбой о выдаче ему «на знание российской словесности, истории, географии и французского языка надлежащего свидетельства». Это свидетельство было им получено, так как «по учиненном ему испытании оказалось, что он знает российскую словесность от грамматики до красноречия, в истории и географии имеет хорошие сведения и знает французский язык по правилам грамматическим»³.

Преподавать А.Н. Дьяконов начал в январе 1821 года в Вольском уездном училище, подведомственном Казанскому учебному округу. «Советом Казанского университета, — читаем в документе, — поручена ему должность учителя 1-го класса Вольского уездного училища, из которых последнюю отправлял без жалованья».

Следующая запись в формулярном списке А.Н. Дьяконова свидетельствует, что в 1832 году в его жизни произошло значительное событие: он переехал в Оренбург и стал преподавателем Неплюевского военного училища. В документе значится, что 8 июня Советом Казанского университета он был от прежней должности уволен и «по предписанию оренбургского военного губернатора определен в Неплюевское военное училище инспектором классов и учителем исторических наук». Отсюда видно, что в переводе А.Н. Дьяконова принимал участие оренбургский военный губернатор П.П. Сухтелен, который был серьезно озабочен уровнем преподавания в училище и стремился укрепить его штат квалифицированными специалистами. Именно в это время его стараниями для преподавания в Неплюевском училище арабского и персидского языков из Казанского университета был переведен П.И. Демезон, в будущем крупнейший русский востоковед.

В Оренбурге А.Н. Дьяконов остался на всю жизнь. Через год после переезда он встретился здесь с прибывшим из столицы писателем и врачом В.И. Далем, который, отказавшись от медицинской карьеры, стал чиновником особых поручений при новом оренбургском военном губернаторе В.А. Перовском. Вскоре между Далем и Дьяконовым завязались дружеские отношения, основанные на общности литературных и научных интересов. А.Н. Дьяконов был деятельным членом избранного Далем кружка, который объединил образованных оренбуржцев, интересовавшихся литературой, историей и естественными науками, изучавших Оренбургский край, его природу, обычаи и фольклор населявших его народов⁴. В собраниях этого кружка участвовал всеми уважаемый председатель Оренбургской пограничной комиссии Григорий

Федорович Генс, накопивший за долгие годы службы огромный запас сведений о казахских степях и о Средней Азии, которая в то время оставалась недоступной и загадочной. Своими познаниями он поразил знаменитого немецкого ученого и путешественника Александра Гумбольдта, посетившего Оренбург в 1829 году. В кружок входил Мартиниан Иванович Иванов, преподававший в Неплюевском училище татарский язык и одновременно служивший переводчиком в Оренбургской пограничной комиссии. Он был знатоком восточных языков и написал «Татарскую хрестоматию» и «Татарскую грамматику», которые сыграли роль в отечественной тюркологии.

Членом кружка стал Яков Владимирович Ханыков, выпускник Царскосельского лицея, занявший в 1836 году, как и Даль, должность чиновника особых поручений при В.А. Перовском. Он занимался географическим и статистическим описанием Оренбургского края. В дальнейшем он прославился работами по картографии и экономической географии⁵.

Позднее в кружок вошел Иван Федорович Бларамберг, военный топограф, руководивший картографическими работами в крае и зауральских степях.

В 1828 году Даль сообщал в одном из писем сестре: «Нас собралось теперь десять человек, мы собираемся по четвергам поочередно у двух, у меня и генерала Генса, и каждый по очереди занимает остальных своим предметом. Тут один говорит об истории, другой о кайсаках, третий о сравнительной анатомии, четвертый о Бородинском сражении, пятый о расколах и пр. и пр.»⁶.

О работе кружка он писал в 1841 году М.П. Погодину: «Нашлось здесь человек двенадцать, которые предпочли карточным вечерам предложение мое: сходитья у меня раз в

неделю и занимать каждому по очереди других. Это удалось гораздо лучше, чем можно было надеяться; вышло несколько статей таких дельных, умных, занимательных, что хоть бы их читать и не в Оренбурге. Например, философия истории, о происхождении кайсаков, о раскольниках, о новейших делах в Персии, о взаимном отношении аллопатии и гомеопатии и пр. Я читал статью о русском языке, потом физиологию и патологию глаза, потом повести и пр. Это оживляет, подстрекает, греет»⁷.

В.И. Даль собирался издать сборник докладов, прочитанных на «четвергах». Среди «замечательных и достойных печати» он называл четыре: «Генса — о происхождении кайсаков, Ханыкова — о философии истории, Иванова — о мусульманских школах, Дьяконова — о расколах, и в особенности об Иргизском монастыре»⁸.

Этими работами, в том числе статьей Дьяконова, заинтересовался петербургский издатель А.А. Краевский. Даль писал ему: «Дьяконов преподает по пяти и шести часов в день, и человек, сверх того, хворый; много ли тут остается времени? Между тем я вытереблю у него статью о раскольниках, статью очень занимательную и любопытную»⁹.

Но сильнее всего В.И. Даля и А.Н. Дьяконова связывали общий интерес к русской словесности, любовь к живому русскому языку, который не искажен, как язык литературный, искусственными словами и оборотами речи, построенными по чужому образцу. Дьяконову было близко убеждение Даля в том, что народный язык «силен, богат, краток и ясен, тогда как письменный язык наш, видимо, пошлеет, превращаясь в какую-то пресную размазную...».

Хорошо известно, что В.И. Даль еще в ранней юности начал собирать областные слова, поговорки и обороты, услышанные в простом

бытовом разговоре, и, по его свидетельству, «записывал их без всякой иной цели и намерения, как для памяти, для изучения языка». Его коллекция значительно обогатилась во время русско-турецкой войны 1828–1829 годов, которую Даль прошел полевым хирургом. Он вспоминал: «Беседа с солдатами всех местностей широкой Руси доставила мне обильные запасы для изучения языка». В дальнейшем эти запасы постоянно пополнялись. По словам самого Даля, «разнородность занятий и службы: морской, военной, врачебной, гражданской, в различных частях низшего управления, наклонность к наукам естественным и ко всем ремесловым работам ознакомили его, по языку и по понятиям, с бытом разных сословий и состояний, наук и знаний».

Со временем собранные Далем заметки разрослись настолько, что ему «пришлось призадуматься над ними и решить, хлам ли это, с которым надо развязаться, свалив его в первую сорную яму», или в нем «много крупиц, которые, по русскому поверью, бросать грешно». Он решил, что его запасы слов, не вошедшие ни в какие словари, представляют большую ценность и заслуживают того, чтобы посвятить себя обработке этих сокровищ.

Даль утверждал, что пришел к такому решению в Оренбурге. Об этом свидетельствует его друг, писатель П.И. Мельников-Печерский, который позднее в Нижнем Новгороде помогал ему в работе над словарем, а затем написал о нем критико-биографический очерк. В очерке говорится, что, сблизившись с инспектором классов Неплюевского военного училища А.Н. Дьяконовым, Даль нашел в нем искреннего единомышленника и вместе с ним принялся за изучение древних памятников русской словесности.

П.И. Мельников-Печерский пишет: «Когда лет через десять после того я в Нижнем Новгороде каждый

почти день бывал у Даля и мы целые вечера просиживали с ним над летописями и житиями святых, отыскивая в них по крохам старинные слова и объясняя их остатками, сохранившимися по разным закоулкам русской земли, он, бывало, говаривал: “Вот точно так же Александр Никифорович Дьяконов в Оренбурге ходил ко мне с «Киршей Даниловым» да с «Памятниками русской словесности XII века», и точно так же мы целые вечера просиживали над ними с покойником. Изучение старинных памятников утвердило тогда во мне намерение создать «Словарь», а то, право, не раз приходило на ум бросить все запасы для него, как ни на что не годный хлам. Дьяконов поддержал меня. Если будет когда-нибудь словарь, так спасибо вам с покойным Александром Никифоровичем”»¹⁰.

О сотрудничестве Даля с А.Н. Дьяконовым упоминает в своих записках и дочь Даля Екатерина. «Отец дорожил им, — пишет она, — как хорошей летописью, называл его своим “русским учителем” и читал с ним “Киршу Данилова”. Тут Дьяконов был как у себя дома и, объясняя отцу былины, утверждал, что они объясняются проще, чем пишут о них в книгах. Он сказал, что чистота песни, даже нередко самый смысл ее, часто исчезают перед тем, кто принимается “мудрствовать над ней лукаво”, что как просто выливается она из души человека, так же просто и должно ее принимать»¹¹.

В литературных источниках данных об А.Н. Дьяконове почти не сохранилось. Некоторое представление о нем позволяют составить документы, обнаруженные в Государственном архиве Оренбургской области. Из них видно, что жизнь этого незаурядного человека была нелегкой. Обремененный большой семьей (у него было три сына и три дочери) и очень нездоровый, он не имел иных источников дохода, кроме скудного жалования, и постоян-

но испытывал материальные затруднения. Начатое в 1836 году архивное дело «Об исходатайствовании соответствующего чина инспектору классов Оренбургского Неплюевского военного училища г. Дьяконову» свидетельствует о попытках помочь ему, которые предпринимали окружающие — от начальника училища до военного губернатора. Большую роль при этом, вне всякого сомнения, играл В.И. Даль.

Дело начинается рапортом Комитета Неплюевского училища за подписью директора К.Д. Артюхова, поданным военному губернатору В.А. Перовскому 10 августа 1836 года. В нем говорится: «Комитет честь имеет донести Вашему превосходительству, что инспектор классов Неплюевского училища, старший учитель истории Дьяконов прослужил в сем звании узаконенный четырехлетний срок. Свидетельствуя о его бесспорной, отлично-усердной службе, Комитет осмеливается всепокорнейше просить Ваше превосходительство удостоить Вашего ходатайства об утверждении Дьяконова в присвоенном его должности классе». Повышение в чине дало бы Дьяконову ощутимую прибавку к жалованью.

В.А. Перовский вступил в длительную переписку с управляющим военно-учебными заведениями Я.И. Ростовцевым, в ходе которой выяснилось, что по положению Дьяконов не мог быть утвержден не только в чине 6-го класса, о чем первоначально просил комитет, но и 8-го, а имел право только на чин 9-го класса, то есть титулярного советника. Переписка длилась три года, в течение которых Перовский обращался к начальству еще дважды. Черновик последнего рапорта, датированный 9 января 1839 года, написан рукой В.И. Даля. От имени военного губернатора он писал Ростовцеву: «Милостивый государь Яков Иванович! В 1836 году я уже ходатайствовал об утверждении ин-

спектора классов и старшего учителя истории Неплюевского военного училища Дьяконова в присвоенном месту его чине. В прошлом, 1838 году я снова относился к Вам, милостивый государь, по сему предмету, свидетельствуя в то же время отлично-усердную и ревностную службу г. Дьяконова. Не получив на последнее отношение ответа, между тем считая долгом заботиться со своей стороны о поощрении и награждении по заслугам этого крайне полезного и неутомимого в трудах чиновника, я решаюсь снова просить Вас, милостивый государь, покорнейше, не отказать мне в ходатайстве своем об утверждении Дьяконова, занимающего издавна двойную должность инспектора и учителя истории, в присвоенном первому из званий чине».

В конце концов, в феврале 1839 года, А.Н. Дьяконов согласился на предложенный ему чин титулярного советника. А через четыре года он уже был коллежским ассессором.

Как свидетельствуют документы другого архивного дела («О выдаче инспектору классов Неплюевского училища г. Дьяконову 1500 руб. в единовременное пособие»)¹², в 1838 году В.А. Перовский, сочувствуя бедственному положению Дьяконова, выделил ему из средств, находившихся в распоряжении военного губернатора, единовременное денежное пособие «к незначительному окладу получаемого им жалованья». В приложенной к делу справке указано, что «инспектор классов Неплюевского училища г. Дьяконов получает по этой должности 400 руб. и за преподавание истории 720 руб. в год». Перовский сообщил ему в письме от 4 февраля 1838 года: «Во внимание к отлично-усердной службе Вашей и зная, что при недостаточном состоянии Вы обременены большим семейством, препровождаю к Вам 1500 руб. в единовременное пособие, будучи совершенно уверен, что награда эта поощрит Вас

к продолжению полезного служения Вашего».

Об отношении окружающих к А.Н. Дьяконову много говорит письмо В.А. Перовского, написанное во время Хивинского похода 8 марта 1840 года, в лагере при Темире, и адресованное Н.В. Балкашину в Оренбург. «Если у Вас есть мои деньги, — пишет Перовский, — то прошу Вас дать 50 руб. Дьяконову, который должен быть в нужде. Скажите ему, что эти деньги оставил я у Вас для него перед отъездом из Оренбурга, а ему забыл сказать, чтобы адресовался к Вам, когда понадобятся. Само собою разумеется, что это не должно быть гласно»¹³.

В.И. Даль, переехавший в 1841 году в Петербург, продолжал поддерживать А.Н. Дьяконова. Подтверждением может служить еще одно архивное дело¹⁴, в котором идет речь о поездке Дьяконова в столицу в 1844 году по приглашению управляющего военно-учебными заведениями Я.И. Ростовцева. По-видимому, к этому приложил руку Даль: с указанным ведомством, которое находилось в ведении великого князя Михаила Павловича, он тесно сотрудничал, был назначен редактором и составителем руководств по естественной истории для военно-учебных заведений и написал для них учебники ботаники и зоологии.

26 апреля 1843 года новый оренбургский военный губернатор В.А. Обручев получил от генерал-майора Ростовцева письмо следующего содержания: «В военно-учебных заведениях, в Санкт-Петербурге находящихся, с апреля по июнь производятся годичные испытания, на которых постановлено присутствовать инспекторам классов всех губернских корпусов. Его Императорское Высочество, находя полезным, чтобы на означенных экзаменах присутствовал и инспектор классов Оренбургского Неплюевского военного училища коллежский асессор Дьяко-

нов, который ни разу еще не был в Санкт-Петербурге и, следовательно, не имел случая ознакомиться с порядком дел в столичных корпусах, повелел мне иметь честь покорнейше просить Ваше превосходительство отправить коллежского асессора Дьяконова немедленно в Санкт-Петербург». Сообщив Обручеву о «таковой воле Его Императорского Высочества», Ростовцев добавил: «Не изволите ли Вы признать возможным назначить коллежскому асессору Дьяконову, по недостаточному его состоянию и отдаленности пути, пособие по усмотрению Вашего превосходительства из сумм, в распоряжении Вашем состоящих, независимо от следующих ему в оба пути прогонных денег, и о последующем не оставьте меня уведомить для доклада Его Высочеству».

Ясно, что великий князь обратил внимание на рядового провинциального преподавателя лишь по рекомендации влиятельного и очень расположенного к Дьяконову лица. Вряд ли им мог быть кто-либо, кроме В.И. Даля.

Препятствий к поездке Дьяконова у Обручева, конечно, не нашлось, но по объективным причинам она состоялась только через год. Местное начальство, выполняя полученное распоряжение, было подчеркнуто внимательно к инспектору классов и выделило ему достаточное денежное пособие.

Из рассматриваемого архивного дела следует, что большую поддержку А.Н. Дьяконову оказало при этом Неплюевское училище. Комитет училища признал очень полезным отправить его в столицу «для наблюдения за методом преподавания наук, производства испытаний и вообще для собрания практических сведений, относящихся к его обязанности, также приисканию хороших учителей и открытию надежнейших источников к снабжению училища учебными пособиями». Кроме того, эта командировка рассматри-

валась как «особенная награда от лично-усердной службы г. Дьяконова, доставляющая ему возможность расширить свои познания и, быть может, при пособии петербургских медиков получить облегчение от болезни, пять лет продолжающейся без надежды излечения в Оренбурге».

Последний раз В.И. Даль встретился с А.Н. Дьяконовым летом 1859 года, когда вместе с семьей посетил Оренбург. Описание этой встречи имеется в неопубликованном разделе записок Екатерины Даль, хранящемся в Пушкинском Доме в Санкт-Петербурге¹⁵.

Дочь Даля пишет: «Дьяконов был ужасно рад отцу, позвал внука своего и велел ему помнить, что видел отца моего. Он попросил отца сказать что-нибудь внуку лично, чтобы помнил, что с ним говорил. Отец поцеловал внука Дьяконова и сказал ему: "Спасибо тебе, что хочешь помнить мои слова. Так помни же, что надо всегда в жизни жить честно и не кривить душой. Еще помни, что я считаю деда твоего своим учителем русского языка"».

Умер Александр Никифорович Дьяконов, видимо, вскоре после этой встречи, потому что в 1862 году в «Напутном слове» Даль говорит о нем как о покойном.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Даль В.И. (*Казак Луганский*). Полное собрание сочинений. Первое по-смертное издание. 1898. Т. 10. С. 274.

² Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 4053. Л. 187–189.

³ Матвиевская Г.П., Зубова И.К. Владимир Иванович Даль в Оренбурге. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2007. С. 193–197.

⁴ Юдин П.Л. Григорий Федорович Генс, первый директор Неплюевского кадетского корпуса // Русская старина. 1899. № 8. С. 363–373.

⁵ Матвиевская Г.П. Яков Владимирович Ханьков (1818–1862). М.: Наука, 2006.

⁶ Институт русского языка и литературы РАН (Пушкинский Дом). Отдел рукописей, 27416/СХСХVI 69.

⁷ Российская государственная библиотека (РНБ). Отдел рукописей. Ф. 23/II. Оп. 10. Д. 16.

⁸ РНБ. Отдел рукописей. Ф. 391. Д. 318. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 8.

¹⁰ Мельников П.И. (*Андрей Печерский*). Владимир Иванович Даль // Даль В.И. Полное собрание сочинений. СПб., 1897. Т. 1. С. XLVI.

¹¹ Даль Е.В. Воспоминания. Гл. XIV–XVI // Гостинный двор. 1995. № 1–2. С. 141.

¹² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4531.

¹³ Цыпляев П.И. Письма В.А. Петровского к Н.В. Балкашину // Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1911. Вып. 23. С. 162.

¹⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5417.

¹⁵ Институт русского языка и литературы РАН (Пушкинский Дом). Отдел рукописей. Ф. 205. Оп. 2. Д. 834. Л. 55.